

Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1864 году бакалавръ по кафедрѣ словесности въ Кіевской дух. академіи Еф. Мих. Крыжановскій, въ числѣ другихъ темъ для курсовыхъ сочиненій, далъ и тему, подъ заглавіемъ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи до преобразованія ея въ 1819 году“. Не смотря на то, что Ефимъ Михайловичъ въ томъ же году оставилъ Кіевскую академію, я облюбовалъ данную имъ тему и безъ руководителя пустился въ неизвѣданныю еще тогда область хранящихся въ Кіевѣ старинныхъ школьныхъ рукописей. Мнѣ удалось мало-мальски оріентировать ся въ рукописныхъ отдѣлахъ мѣстныхъ библіотекъ, а именно Кіевской дух. академіи, Кіевской дух. семинаріи, Кіево-Софійскаго собора и Кіево-Михайловскаго монастыря; но не былъ я допущенъ въ лаврскую библіотеку, не смотря на рекомендательную обо мнѣ записку тогдашняго ректора Кіевской академіи архимандрита Филарета. На основаніи тѣхъ данныхъ, какія успѣлъ я извлечь изъ этихъ библіотекъ, и составленъ былъ мною рядъ статей по данному предмету, напечатанныхъ въ академическомъ журналѣ „Труды Кіевской Дух. Академіи“ за 1865—1868 годы и въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1865 годъ¹⁾.

¹⁾ Именно: 1) „Мистерія и комедіи учителя пѣтики въ Кіевской Академіи Митрофана Довгалевскаго (1736—7 г.)“, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, февраль, 1865 г.; 2) „Вы-

Между тѣмъ, постепенно стали открываться новыя данныя по этому предмету, особенно относящіяся къ исторіи школьной Кіевской драмы XVIII столѣтія. Это обстоятельство, въ связи съ предпринятымъ мною составленіемъ „Очерковъ изъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, побудило меня пересмотрѣть свои прежнія работы, дополнить ихъ новыми открытіями въ области Кіевской школьной драмы и издать свою переработку въ качествѣ предисловія или введенія къ „Очеркамъ изъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Трудъ этотъ, по странному недоразумѣнію, почти одновременно напечатанъ былъ и въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“ за 1879 и 1880 годы въ особыми оттисками, подъ заглавіемъ „Кіевская искусственная литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая“, и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1880 годъ, подъ заглавіемъ „Южно-русская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая“¹⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло 29 лѣтъ. Научный интересъ къ предмету возросъ значительно, и появился цѣлый рядъ до-

держки изъ рукописной реторики О. Прокоповича“, тамъ же, апрѣль, 1865 г.; 3) „Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской Академіи“, тамъ же, январь, 1866 г.; 4) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году“, тамъ же, за іюль, ноябрь и декабрь 1866 г., январь 1867 г. и мартъ 1868 г., и 5) „Плачь Малой Россіи о ляхолюбцахъ“ въ 18-мъ № „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1865 годъ.

¹⁾ Трудъ этотъ я первоначально послалъ въ „Русскій Вѣстникъ“, но, не получая никакого отвѣта въ теченіе 1½ года, сталъ печатать его въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“. Когда же печатаніе здѣсь приходило къ концу, то и „Русскій Вѣстникъ“ надумался печатать на своихъ страницахъ тотъ же самый трудъ.

полнительныхъ матеріаловъ и изслѣдованій. Ко мнѣ не разъ обращались съ просьбою сдѣлать хотя бы новое изданіе моего труда, давно ставшаго библиографическою рѣдкостію. Но издавать его въ прежнемъ видѣ было стыдновато, а передѣлывать и дополнять его, соответственно вновь накопившемуся матеріалу, было некогда. Настоящая неотложная нужда въ изданіи „Актвъ и документовъ, относящихся къ исторіи Киевск й Академіи“, предпринятомъ въ виду предстоящаго въ 1915 году 300-лѣтняго юбилея Киевской Академіи. И только теперь, когда выпавшая на мою долю вторая серія этихъ „актовъ и документовъ“, въ пяти томахъ и въ 6-ти книгахъ (съ 1721 до 1796 г.), мною уже закончена, я рѣшаюсь на пересмотръ и дополненіе моихъ прежнихъ трудовъ по исторіи словесности въ старой Киевской Академіи, и притомъ съ прежней же чисто мѣстной точки зрѣнія. Другіе смотрятъ на Киевскую искусственную литературу XVII и XVIII в.в., какъ на одинъ изъ эпизодовъ въ общемъ развитіи русской литературы; я же и прежде рассматривалъ и теперь намѣренъ рассматривать ее особо, какъ спеціальную, самодовлѣющую область литературы, со своимъ опредѣленнымъ кругомъ экстерриторіальнаго распространенія, значенія и вліянія. Такой характеръ моей работы опредѣляется какъ первоначальною ея задачею и назначеніемъ, такъ и предстоящимъ 300-лѣтнимъ юбилеемъ Киевской Академіи. Къ этому юбилею желательно было бы не только изобразить внѣшнюю и бытовую жизнь Киевской Академіи по болѣе или менѣе официальнымъ актамъ и документамъ, но и охарактеризовать ея болѣе интимную, духовную жизнь, которая преимущественно и отражается въ литературныхъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ, настоящий трудъ нашъ спеціально посвященъ старой Киевской Академіи и ея литературѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Такъ какъ Кіевская Академія находилась въ центрѣ Украины или Малороссіи; то Кіевская искусственная литература XVII и XVIII в.в. должна быть отнесена къ исторіи украинской или малорусской литературы. Кіевская искусственная литература можетъ быть названа украинскою или малорусскою прежде всего въ территоріальномъ отношеніи, такъ какъ возникла и развивалась на украинской или малорусской почвѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта литература имѣла и мѣстные національныя основы, или защищая жизненные интересы мѣстнаго народонаселенія безъотносительно къ его языку, или же, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлая усиленные приспособленія « къ мѣстному народному языку, и такимъ образомъ была національной и по одному содержанію, или же вмѣстѣ и по содержанію и по языку. Повидно, что послѣдняго рода литературныя произведенія, т. е. мѣстно-національныя по содержанію и языку, и должны составлять центръ украинской или малорусской литературы.

Каковъ же былъ племенной составъ населенія Малороссіи или Украины?

По мнѣнію малорусскихъ ученыхъ, въ настоящее время Малороссію обнимаютъ собою губерніи Кіевскую, Волинскую, Подольскую, Холмщину, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую и Херсонскую и за границами Россіи—Галицію. На этихъ мѣстахъ въ первоначальныя времена русской исторіи обитала юго-западная группа славяно-русскихъ племенъ Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Уличей, Тиверцевъ, Дулибъ и Хорватовъ. Эти-то лѣтописныя племена юго-западной славяно-русской группы, послѣ разныхъ передвиженій и перетасовокъ, образовали основное ядро малорусскаго племени, съ особымъ языкомъ или нарѣчіемъ, отличительныя черты котораго проявляются

уже въ древнѣйшую эпоху письменности, въ старѣйшихъ мѣстныхъ памятникахъ XI—XII вѣковъ¹⁾. Полагаютъ, что въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ и игровыхъ малорусскихъ пѣсняхъ, записанныхъ въ позднѣйшее время, сохранились черты дружиннаго и княжескаго быта до татарской исторіи, откуда слѣдовало бы заключить, что малорусское племя со своимъ особымъ языкомъ ведетъ непрерывную преемственность отъ до-татарскаго періода русской исторіи²⁾.

Но сѣверо-русскіе и отчасти польскіе историки отрицаютъ глубокую стародавность малорусскаго племени и его языка. Покойный М. П. Погодинъ и въ недавнее время академикъ А. И. Соболевскій представляютъ себѣ дѣло такъ, что разореніе Батыемъ южной и юго-западной Россіи въ 1240—2 годахъ обратило Киевскую землю и вообще среднее Поднѣпровье въ совершенную пустыню, истребивъ огромную массу населенія и разогнавъ, принудивъ къ выселенію остальное, такъ что эти земли надолго заустѣли и позже заново колонизовались. Новое населеніе не знало былиннаго Владимірова цикла, сосредоточенныхъ въ древности около стольнаго Киева и сохранившихся только въ Велико-россіи и преимущественно на сѣверѣ ея, въ нынѣшней Олонецкой губерніи. Это новое населеніе въ своей письменности употребляло или польскій языкъ, или макароническій церковно-славянскій, съ примѣсью украинскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ элементовъ³⁾. Такого же взгляда на

¹⁾ „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 1, 2, 9, 14—16.

²⁾ Тамъ же, стр. 86; „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I, Киевъ, 1874 г., и т. II, вып. I, Киевъ, 1875 г.

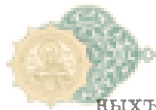
³⁾ „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, стр. 75, 76 и 331.

происхождение и языкъ малороссовъ держится и польскій историкъ Кіевской Академіи А. Яблоновскій ¹⁾).

Намъ кажется, что объ эти точки зрѣнія не чужды извѣстной доли національной исключительности ихъ выразителей и потому болѣе или менѣе односторонни. По нашему мнѣнію, въ устной словесности современныхъ малороссовъ не сохранилось слѣдовъ дружиннаго и княжескаго быта до-татарской эпохи, равно какъ почти не сохранилось и остатковъ былиннаго Владимірова эпоса. Но это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что южная Русь послѣ татарскаго нашествія испытала большія невзгоды и страшныя потрясенія, которыя заслонили и почти подавили собою воспоминанія изъ дотатарской эпохи ²⁾. Нельзя отрицать также и страшнаго опустошенія южной Руси со времени татарскаго нашествія и усиленной иммиграціи въ нее сосѣднихъ родственныхъ племенъ, особенно бѣлоруссовъ и поляковъ, которые дѣйствительно приносили въ мѣстную рѣчь свои лексическія особенности и содѣйствовали образованію особаго славянскаго макароническаго языка. Но этотъ макароническій языкъ былъ преимущественно письменный, книжный, сквозь наружную кору котораго все-таки пробивались съ значительною силою фонетическія и морфологическія особенности мѣстнаго народнаго языка, составляющія душу всякаго языка и перерабатывающія по своимъ законамъ и чужой лексическій матеріалъ. Еще въ южно-русскихъ памятникахъ XI и XII вѣковъ проглядываютъ звуковыя малорусскія особенности, которыя послужили основою или закваскою для дальнѣйшаго образованія малорусской рѣчи и ея говоромъ изъ броженія и переплавки раз-

¹⁾ Akademia Kijowsko-Mohilańska, A. Jablonowskiego, Krakow, 1899—1900.

²⁾ „Труды Кіевской Дух. Академіи“, ноябрь, 1874 г., стр. 320 и слѣд.

ныхъ туземныхъ и пришлыхъ элементовъ. Въ XIV и особенно въ XV и XVI вв. эти особенности получаютъ замѣтное развитіе и въ разныхъ письменныхъ церковно-славянскихъ памятникахъ настолько пробиваются наружу, что даютъ общее представленіе не только о сформировавшемся къ тому времени малорусскомъ нарѣчіи или языкѣ, но и объ отдѣльныхъ его поднарѣчіяхъ или говорахъ. Изъ такихъ памятниковъ укажемъ: „Четью“, писанную въ 1489 г. въ Каменцѣ Литовскомъ Новогрудскимъ поповичемъ; Пересопницкое евангеліе 1556—1561 г.г., писанное Михайломъ Васильевичемъ, сыномъ протопопы Саноцкаго, при участіи Пересопницкаго архимандрита Григорія; Евангеліе 1581 года, переведенное Валентиномъ Негалевскимъ съ польскаго евангелія Мартина Чеховича; Евангеліе учительное XVI в., изъ Почаевской Лавры, въ которомъ большая часть поученій передана на „простомъ русскомъ языкѣ“, и др.¹⁾ Въ этихъ письменныхъ памятникахъ уже ярко обозначены фонетическія и морфологическія особенности малорусскаго нарѣчія, съ его живымъ разнообразіемъ поднарѣчій или говоровъ, дающія ему видное мѣсто среди другихъ славянскихъ нарѣчій. Но эти особенности могутъ свидѣтельствовать не о новомъ племенномъ составѣ южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія, а только развѣ о новообразованіи малорусскаго нарѣчія, какъ особой вѣтви славянскихъ нарѣчій, подобно новообразованію, на глазахъ исторіи, романскихъ языковъ на почвѣ языка латинскаго.

Сформированію, подъему и оживленію простонароднаго малорусскаго языка и наиболѣе сильному проникновенію его въ книжный языкъ съ XIV и особенно съ XV вѣка не-

¹⁾ „Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.“, П. В. Владимірова, Кіевъ, 1890 г., стр. 18, 19, 25, 28 и 34.

мало содѣйствовали съ одной стороны тогдашнее политическое положеніе Малороссіи, а съ другой—примѣръ и вліяніе другихъ славянскихъ племенъ Чеховъ, Поляковъ и Бѣлоруссовъ. Послѣ татарскаго нашествія, подпадая подъ власть Литвы и затѣмъ иновѣрной Польши, южноруссы чувствовали особенное побужденіе отстаивать свою народность и вѣру. Правда, Литва вскорѣ сама обрусѣла, и официальнымъ языкомъ ея сдѣлался языкъ бѣлорусскій, родственный малорусскому. Но не таковы были отношенія къ Польшѣ, которая посягала и на неприкосновенность вѣры и языка южноруссовъ. Противъ этихъ-то посягательствъ и возставали лучшіе представители возрожденія южнорусскаго народнаго языка въ XVI столѣтіи. Такъ, напримѣръ, переводчикъ евангелія 1570 года на мѣстный языкъ Тяпинскій въ своемъ предисловіи прямо указываетъ, какъ на побудительную причину къ своему переводу, на распространеніе въ Южной Россіи польскаго и другихъ языковъ и на презрѣніе какъ къ церковно-славянскому, такъ и къ русскому своему „прирождоному“¹⁾.

Немало содѣйствовало пробужденію и оживленію народнаго языка въ Южной Руси въ это время вліяніе и другихъ соседнихъ славянскихъ народовъ, особенно же Чеховъ. Чешскій языкъ и чешская литература были въ большомъ ходу въ Польшѣ и Юго-Западной Россіи въ періодъ XIV—XVI вѣковъ. Среди польскаго общества, по свидѣтельству Лукаша Гурницкаго, чешскій языкъ служилъ признакомъ образованности. Гусситскія идеи, вмѣстѣ съ Чешскими братьями, глубоко проникали въ Польшу и Юго-Западную Русь, прокладывая здѣсь путь къ позднѣйшему появленію

¹⁾ „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“, П. В. Владимірова, С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 30—1.

протестантскихъ ересей и нерѣдко сливался съ ними во-едино. Народная чешская библія широко распространена была не только въ Польшѣ, но и въ Западной Россіи, и нерѣдко служила точкою отправленія для польскихъ и южно-русскихъ переводчиковъ священнаго писанія на свой отечественный языкъ. Древніе польскіе переводы священнаго писанія были совершены непосредственно съ чешскаго. Даже первое печатное изданіе польской библіи въ Краковѣ въ 1561 году исполнено по переводу начала XVI в. съ Чешской библіи¹⁾. Переводы и изданія священнаго писанія на бѣлорусскомъ языкѣ, сдѣланныя докторомъ Фр. Скориною, тоже примыкаютъ къ Чешской библіи и даже начались печатаніемъ въ Чешской Прагѣ²⁾. Что же касается собственно южно-русскихъ переводовъ или редакцій священнаго Писанія въ XVI вѣкѣ, то они стоятъ въ непосредственной зависимости или прямо отъ Чешской библіи, или же отъ польскихъ и бѣлорусскихъ переводовъ съ нея. Такъ, напримѣръ, Пересопницкое евангеліе 1556—1561 г.г., со множествомъ особенностей малорусскаго нарѣчія, переведено въ значительной мѣрѣ по печатному изданію Чешской библіи 1506 года³⁾. Во второй половинѣ XVI вѣка соцініанинъ Василій Тяпинскій перевелъ на бѣлорусскій языкъ и напечаталъ евангеліе, пользуясь при этомъ переводами Скорины, а можетъ быть—и польской библіей С. Буднаго 1572 года⁴⁾. Въ 1581 году соцініанинъ Валентинъ Негалевскій перевелъ евангеліе на малорусскую рѣчь съ польскаго евангелія Мартіна Чеховица 1577 г.⁵⁾.

1) Тамъ же, стр. 37.

2) Тамъ же, стр. 68 и слѣд.

3) Тамъ же, стр. 235—8.

4) „В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе“, М. В. Довнаръ-Запольскаго, С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 2 и 3.

5) „Докторъ Францискъ Скорина“, П. В. Владимірова, стр. 40.

Всѣ почти эти переводчики священнаго писанія на мѣстный русскій языкъ имѣли въ виду приблизить священное писаніе къ пониманію простаго народа и содѣйствовать его просвѣщенію. Докторъ Скорина при своихъ переводахъ имѣлъ въ виду „наученіе простыхъ людей русскаго языка“; переводчики Пересопницкаго евангелія 1556—1561 г.г. предприняли свой трудъ „для лепшого выразума люду христіанскаго посполитого“; Евангеліе учительное 1569 года издано „вырозумѣнія ради простыхъ людей“; В. Тяпинскій переводить свое евангеліе „для лѣпшого розсудкоу“; В. Негалевскій назначалъ свой переводъ евангелія для тѣхъ людей, „которые писма полскаго читати не умеють, а языка словенскаго читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣють“¹⁾.

Но углубляясь въ простонародную рѣчь и пользуясь ея средствами для приближенія свящ. писанія къ народному пониманію, южно-русскіе переводчики не могли вполне исчерпать этого источника, потому что, съ одной стороны, питали уваженіе къ традиціонному церковно-славянскому языку, общему для всего восточнаго славянства, и только пытались сдѣлать его болѣе доступнымъ для народа (В. Тяпинскій), а съ другой—стѣснялись неразвитостію забытаго образованными классами простаго русскаго мѣстнаго языка и неприспособленностію его къ выраженію высшихъ религіозныхъ понятій. А между тѣмъ есть основаніе думать, что внѣ сферы письменности и религіозныхъ понятій этотъ простонародный мѣстный языкъ имѣлъ въ это время уже значительное развитіе. Мы здѣсь имѣемъ въ виду казакія пѣсни о борьбѣ съ татарами и турками, относящіяся по содержанію и происхожденію своему еще къ XVI-му вѣку и до позднѣйшаго времени сохранявшіяся въ устахъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 30 и 40.

малороссов¹⁾. Если даже предположить, что эти пѣсни дошли до XIX вѣка въ измѣненномъ по языку видѣ; но за то мы имѣемъ современную записъ малорусской пѣсни о воеводѣ Штефанѣ половяны XVI вѣка, сдѣланную чехомъ Яномъ Влагославомъ около 1571 года²⁾. Кромѣ того, отъ первой четверти XVII вѣка мы имѣемъ довольно добросовѣстное воспроизведеніе малорусской рѣчи, какъ она сложилась къ тому времени въ устахъ малорусскаго крестьянина. Это интерлюдія къ ярмарочной „трагедіи“ Якова Гавватовича на день устѣпленія главы Предтечи, представленныя на украинской ярмаркѣ въ Каменцѣ Подольскомъ и напечатанныя въ 1619 году. Мужики здѣсь представлены въ комическомъ, пародированномъ видѣ, съ ихъ мужицкимъ языкомъ, который немного развѣ отличается отъ языка современнаго малорусскаго крестьянина и вполне понятенъ послѣднему. Здѣсь, напримѣръ, крестьянинъ Грицько рассказываетъ своему товарищу, что ему снился во снѣ адъ и муки адскія, которыя и онъ терпѣлъ:

Суть тамо попи, папове, та наши побратимове,
Суть тамъ и лихія жонки, суть не великі дітонки,
Вси гореють ажъ по уши. Біда-жъ тамъ и моеї души
Біда, та на вічні віки, кажуть, будешь терпіть муки...³⁾

Въ дальнѣйшемъ развитіи южно-русской письменности, по естественному порядку вещей, слѣдовало бы ожидать наибольшаго сближенія книжнаго южно-русскаго языка съ простонародною малорусскою рѣчью; но этого не случилось, по причинамъ, вызвавшимъ реакцію дальнѣйшему проник-

¹⁾ „Историч пѣсни малорусскаго народа“, В. Антоновича и М. Драгоманова, т. I, Кіевъ, 1874 г., отд. 2.

²⁾ „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I, С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 65.

³⁾ „Исторія русскаго театра“, Н. О. Морозова, т. I, С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 63—65.

новенію простонароднаго языка въ книжный, литературный языкъ.

Прежде всего, причина реакціи противъ введенія простонароднаго языка въ священные книги лежала въ самихъ переводчикахъ ихъ, которые нерѣдко принадлежали къ протестантскимъ сектамъ и во всякомъ случаѣ опирались почти единственно на авторитетъ свящ. писанія, помимо священнаго преданія, а слѣдовательно подрывали одну изъ основъ не только католической, но и православной церкви въ Польшѣ. Нѣкоторые изъ сектантовъ, а именно Социніане, приносили даже и социалистическій элементъ въ общественную и политическую жизнь Литовско-польскаго государства, вопреки усиливавшемуся тогда крѣпостничеству простаго народа. Польско-католическая церковь быстро справилась съ этими сектантами, выставивъ противъ нихъ новый, энергическій іезуитскій орденъ и сдѣлавъ нѣкоторыя уступки протестантскимъ идеямъ, а польское правительство энергично преслѣдовало протестантскихъ сектантовъ, какъ враговъ отечества ¹⁾.

Полемизировали съ протестантскими сектантами и южнорусскіе православные. Однимъ изъ первыхъ православныхъ полемическихъ сочиненій противъ протестантскихъ сектъ было посланіе прота св. Горы (Аоонскія) Гавріила къ Угорскому королю Янушу Заполѣ, 1534 года, довольно распространенное и въ западно-русскихъ спискахъ ²⁾.

¹⁾ См., напр., статьи О. Левицкаго „Социніанство въ Польшѣ и Юго-Зап. Руси“, въ „Киевской Старинѣ“, за апрѣль—іюнь 1882 г.

²⁾ См. „Труды Кіев. Дух. Академіи“, февраль, 1894 г., стр. 172—181; „Чтенія въ историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. XV, вып. 4, отд. 3, стр. 179 и сл.; „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1908 г., т. XIII, кн. 3, стр. 86 и сл.

Особенно много потрудился для обличенія протестантскихъ ересей въ Юго-Западной Россіи старецъ Троице-Сергіевой лавры Артемій¹⁾. Краткія предостереженія противъ сектантовъ встрѣчаются въ одномъ рукописномъ Почаевскомъ учительномъ евангеліи XVI вѣка, съ совѣтомъ не имѣть съ ними единенія и не участвовать въ ихъ злыхъ дѣлахъ²⁾. Но, что особенно для насъ важно, вмѣстѣ съ вѣроученіемъ и жизнью представителей протестантскаго движенія, порицались и отвергались и ихъ переводы свящ. писанія на мѣстныя нарѣчія. Князь А. Курбскій, бѣжавшій изъ Москвы въ Литву отъ гнѣва царя Іоанна Грознаго, видѣлъ въ Литвѣ, по его словамъ, книги „ветхаго и новаго завіта и пророческіе вси, а переводъ Скорины Полоцкаго, переведенны не въ давныхъ лѣтахъ аки лѣтъ 50, съ перепорченыхъ книгъ жидовскихъ“, и видѣлъ у Лютеранъ „Библий Люторовъ переводъ, согласующе по всему съ Скорининымъ Библиемъ“³⁾. Онъ рекомендовалъ южанамъ сохранившіеся въ Москвѣ церковно-славянскія книги и настаивалъ на необходимости для южноруссовъ, въ борьбѣ ихъ съ иновѣрцами, научнаго образованія, и притомъ на древней православной основѣ. Съ послѣднею цѣлію онъ перевелъ на славянскій языкъ Богословіе и Діалектику св. Іоанна Дамаскина⁴⁾.

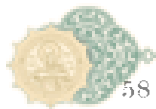
Эти идеи князя Курбскаго воспріяты были какъ отдѣльными лицами изъ южноруссовъ, такъ и церковными братствами въ Юго-Западной Россіи, стремившимися поднять и утвердить южнорусское образованіе на исконныхъ славяно-русскихъ православныхъ началахъ.

¹⁾ См. его посланія въ IV-мъ томѣ „Русской Историч. Библіотеки“.

²⁾ „Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.“, П. В. Владимірова, стр. 6 и 7.

³⁾ „Докторъ Францискъ Скорина“, П. В. Владимірова, стр. 41.

⁴⁾ „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1896 г., кн. 3, стр. 533—4.

Изъ отдѣльныхъ лицъ въ этомъ родѣ намъ извѣстенъ іеродіаконъ Исаія, родомъ изъ Каменца-Подольскаго, лившійся около 1582 г. въ Москву къ царю Іоанну Грозному. Въ сказкѣ о себѣ онъ сообщалъ, что христіанскими родителями своими наученъ былъ „святымъ кнѣгамъ перваго закона Господня и втораго святымъ догматамъ и благочестивому богословію и священнѣй философіи“, и что его „холопецъ былъ много наученъ грамматикки и философіи святаго Ивана Дамаскина и иныхъ премудрѣйшихъ учителей, а сынъ былъ пзъ заднихъ почтенныхъ людей и премудръ вельми“¹⁾. По всей видимости, іеродіаконъ Исаія и его „холопецъ“ получили домашнее образованіе по учебнымъ пособіямъ св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ князя Курбскаго.

Наиболѣе полнымъ выразителемъ идей князя Курбскаго и проводникомъ ихъ въ жизнь былъ извѣстный ревнитель и защитникъ православія князь К. К. Острожскій, который въ своемъ родовомъ гнѣздѣ г. Острогѣ издалъ въ 1580 и 1581 г.г. свою знаменитую острожскую біблію, въ основаніе которой положенъ былъ славянскій текстъ бібліи, доставленный изъ Москвы и провѣренный по греческимъ подлинникамъ. Кромѣ того, князь Острожскій основалъ въ своей резиденціи Острожскую православную Академію для преподаванія языковъ славянскаго, греческаго и латинскаго и вызвалъ въ нее ученыхъ людей изъ Греціи и другихъ мѣстъ. Главное вниманіе въ этой академіи обращено было на греческій языкъ, въ видахъ обогащенія русской литературы переводами съ греческаго языка,—и первымъ ректоромъ Острожской Академіи поставленъ былъ ученый грекъ Кирилль Лукарисъ, бывшій впоследствии патріархомъ Константинопольскимъ. Слѣдовательно, Острожская Академія

¹⁾ Тамъ же, стр. 497—9.

имѣла въ виду возрожденіе православной науки на славянскихъ и греческихъ источникахъ и основахъ. Къ сожалѣнію, эта академія процвѣтала недолго и быстро стала наклоняться къ упадку по смерти своего основателя¹⁾.

Сравнительно болѣе устойчивыми и долговѣчными оказались братскія школы, учреждавшіяся южнорусскими церковными братствами по образцу Острожской Академіи, хотя онѣ, повидимому, и стояли ниже послѣдней по внутреннему своему достоинству и значенію.

Южно-русскія церковныя братства возникли или, если угодно, возродились и развились на почвѣ Магдебургскаго права, которое давалось польскими королями сначала только болѣе значительнымъ городамъ, а потомъ и менѣе важнымъ городамъ и мѣстечкамъ, и предоставляло имъ извѣстную долю самоуправленія. Повитно, что это самоуправленіе, выдвигая на видный планъ средній, торговопромышленный классъ населенія или мѣщанское сословіе, по необходимости должно было имѣть и сословный характеръ, болѣе или менѣе исключительный. На первыхъ порахъ дѣятельность южнорусскихъ церковныхъ братствъ ограничивалась исключительно ихъ заботами о благолѣпіи церкви, участіемъ въ избраніи духовныхъ лицъ и контролѣ надъ ними, благоустроеніемъ религіозно-нравственной жизни братскихъ общинъ, и вообще стремленіемъ къ полному заправленію дѣлами церковными. На этой почвѣ братчики нерѣдко входили въ непріязненные столкновенія со своимъ собственнымъ православнымъ духовенствомъ и высшею церковною іерархіею. Но со времени Люблинской уніи 1569 года и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, когда

¹⁾ „Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волыни“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, февраль, 1817 г., стр. 182 и слѣд.

усилившаяся пропаганда католицизма серьезно стала угрожать православію, и церковныя братства начинают учреждать у себя православныя школы. Во главѣ ихъ стоитъ Львовское братство, которое въ 1585 году пріобрѣтаетъ типографію и въ 1586 году организуетъ школу со славянскимъ и греческимъ языками. Оно послужило образцомъ учрежденія и другихъ южнорусскихъ братствъ, съ такими же школами, въ Луцкѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ ¹⁾.

Первоначальная программа южнорусскихъ братскихъ школъ была очень несложна. Въ Луцкомъ школьномъ уставѣ говорится: „школы словенское наука починается: напервѣй научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учать, притомъ же церковному чину учать, чтанію, спѣванію, а такъ тому научатся, до большихъ приступаючи къ діалектицѣ и риторикѣ... и инымъ философскимъ письмамъ школъ надлежащимъ“ ²⁾. Для нашей цѣли весьма важно отмѣтить, что въ этой программѣ первенствующее мѣсто занимало обученіе славянскому языку, а затѣмъ и языку греческому, открывавшему ключъ къ первоисточникамъ православнаго вѣроученія ³⁾.

Что же касается славянскаго языка, то самое уже названіе его, какъ предмета школьнаго обученія, показываетъ, что то былъ языкъ не русскій и не мѣстный народный говоръ, а общеславянскій или церковно-славянскій языкъ, сохранявшійся въ древнихъ церковно-славянскихъ переводахъ. Это подтверждаютъ и сохранившіяся до нашего времени

1) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушецкого, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 187; „Исторія Киевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, Кіевъ, 1886 г., стр. 83—85, 176.

2) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, Кіевъ, 1886 г., стр. 189.

3) Тамъ же, стр. 179.

славянскія грамматики братскихъ школъ, хотя онѣ нерѣдко и сбивались на мѣстные говоры. Таковы грамматикъ Виленская 1585 г., Львовская еллино-словенская *Ἑλληνοσλαβική* 1591 г., Виленская словенская Лаврентія Зизанія, обилующія смѣшеніемъ западно-русскихъ особенностей съ церковно-славянскими¹⁾. Лучшая и вліятельнѣйшая изъ нихъ славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, впервые изданная въ 1619 году и имѣвшая въ виду нормировать церковно-славянскій языкъ, искусственно, непредназначенно сочетавала церковно-славянскую стилику съ общерусскою, но отказываясь и отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей живой рѣчи, почему этотъ языкъ можно назвать не столько церковно-славянскимъ, сколько славяно-русскимъ въ самомъ общемъ значеніи этого слова²⁾.

Но ни Острожская Академія, ни греко-славянскія братскія школы не имѣли широкой программы преподаванія, и притомъ же искали средствъ для научнаго образованія въ старо-славянской письменности и у единовѣрныхъ православныхъ грековъ, которые сами въ то время не имѣли уже самостоятельной науки и заимствовали ее у Запада. Извѣстные греки, стоявшіе во главѣ тогдашнихъ южнорусскихъ школъ, Кирилль Лукарисъ, Никифоръ и Арсеній Элассонскій³⁾ обязаны своимъ образованіемъ тогдашней западной наукѣ, органомъ которой былъ латинскій языкъ⁴⁾. Даже

¹⁾ „Докторъ Фр. Скорина“, П. В. Владимірова, стр. 248—9.

²⁾ „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв.“, П. Житецкаго, ч. I, Кіевъ. 1889 г., стр. 16.

³⁾ „Исторія Кіевской Дух. Академіи“, С. Т. Годубева, вып. I, стр. 183.

⁴⁾ „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ“, И. И. Малышевскаго, т. I, Кіевъ, 1872 г., гл. 2.

для преподаванія греческаго языка въ братскихъ школахъ нерѣдко требовались латинскія пособія западно-европейскихъ ученыхъ. Такъ, напримѣръ, въ каталогѣ Львовскаго братства 1601 года значатся латинскія книги Н. К. Кленарда (*Graecae linguae institutiones*) и Альда Мануція (*Phrases?*)¹⁾. Поэтому южнорусскія православныя школы, особенно братскія съ ихъ мѣщанскимъ самодовольствомъ (у І. Вишенскаго), не могли замѣнить собою западно-европейскихъ латинскихъ коллегій, особенно іезуитскихъ, ослѣпавшихъ современниковъ кажущеюся эрудиціею, научными формами преподаванія и замѣчательнымъ педагогическимъ тактомъ, и потому не могли успѣшно бороться съ ними и вообще съ иновѣріемъ. Нужно было православнымъ южноруссамъ возвысить уровень образованія въ своихъ школахъ, увеличить ихъ научныя силы до равенства съ научными силами противной стороны и для этого пріобщиться къ тогдашней западно-европейской наукѣ, органомъ которой служилъ латинскій языкъ.

Нужду въ западномъ латинскомъ образованіи чувствовали уже старѣйшія южнорусскія братскія школы Львовская и Вишенская. Мы уже видѣли, что въ 1601 году въ числѣ книгъ Львовской братской школы были и латинскія. Известный Іоаннъ Вишенскій укоряетъ Львовское братство за то, что нѣкоторые изъ его наставниковъ „привержены къ хитростнымъ латинскимъ наукамъ“. Вишенское братство, въ 1619 году извѣщая Львовскихъ братчиковъ о сооруженіи (въ 1617 году) каменнаго дома для славяно-греко-латинской школы, заявляетъ, что латинская наука у нихъ

¹⁾ „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. І, стр. 201; см. „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. V, Кіевъ, 1908 г., стр. 436 и 457.

„скудости ради своихъ учителей чтется нѣмцами“, и что оно заботится о томъ, чтобы „своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти“. Въ этомъ отношеніи Кіевское Богоявленское Братство, какъ учрежденное не исключительно мѣщанами, а главнымъ образомъ панамп и шляхтою воеводства Кіевского, при участіи высшаго духовенства и запорожскаго казачества, имѣло болѣе широкій умственный кругозоръ и сравнительно болѣе чувствовало нужду въ западной латинской наукѣ. Игнатій Левлевичъ въ автобіографической своей запискѣ заявляетъ о довольно значительномъ успѣхѣ своемъ въ изученіи латинскаго языка въ Кіево-Братской школѣ. Кассіанъ Саковичъ, завершившій свое образованіе въ латино-польскихъ школахъ, повидимому преподавалъ въ Кіево-Братской школѣ пѣтику и реторику по латино-польскимъ пособіямъ. Но рѣшительный поворотъ въ пользу латинскаго языка и западно-европейской науки сдѣлалъ извѣстный Петръ Могила, соединившій свою лаврскую латино-польскую школу съ Кіево-Братскою въ 1632 году. По свидѣтельству Сильвестра Коссова, профессора Кіево-Могилянской Коллегіи „лучше насаждали въ русскіе умы латинскій языкъ, чѣмъ бывшіе до нихъ наставники“ ¹⁾. Сохранилось и нѣсколько рукописныхъ курсовъ по діалектикѣ, логикѣ и философіи, преподанныхъ въ Кіево-Могилянской Коллегіи на латинскомъ языкѣ въ 1639—1647 годахъ ²⁾.

¹⁾ „Исторія Киевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, стр. 184—7, 201, 203, 221—223.

²⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. I. Москва, 1892 г., стр. 232—3, №№ 126—8.

Кіевская Могилянская Коллегія (Академія) и важнѣйшіе моменты въ развитіи Кіевской искусственной литературы XVII и XVIII вв.

Въ сравненіи съ прежними братскими школами Кіево-Могилянская Коллегія не представляетъ, повидимому, существеннаго отличія. Какъ и прежнія, она могла называться „школою наукъ еллино-словенскаго и латинопольскаго письма“, такъ какъ, по соединеніи съ братскою Кіево-Вогоявленскою, заключала въ себѣ все эти элементы; но группировка и относительное значеніе этихъ элементовъ были здѣсь уже совершенно другія. На первый планъ выступалъ латинскій языкъ, какъ орудіе современной западно-европейской науки, тогда какъ греческій языкъ оставался въ тѣни и наконецъ вовсе исключенъ былъ изъ круга школьнаго преподаванія. Польскій языкъ, какъ государственный, считался тогда отечественнымъ въ Кіево-Могилянской Коллегіи и въ школьныхъ упражненіяхъ и примѣрахъ употреблялся наравнѣ съ латинскимъ¹⁾. Церковно-славянскій же или славяно-русскій языкъ имѣлъ въ Кіевѣ-Могилянской Коллегіи мѣсто при преподаваніи катихизиса, какъ это видно изъ предисловія къ „Православному исповѣданію вѣры“ Петра Могилы, назначавшемуся для учащагося юношества²⁾. Онъ же употреблялся и при составленіи школьныхъ драматическихъ пьесъ, какъ увидимъ впоследствии, а съ конца XVII вѣка сталъ примѣняться и къ школьнымъ примѣрамъ въ піитикѣ и реторикѣ³⁾.

¹⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, июль, 1866 г., стр. 323, 326, 327 и др.

²⁾ „Исторія Русской Церкви“ м. Макарія (Булгакова), т. XI, кн. 2, стр. 596.

³⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, мартъ, 1868 г.

Преобразованная Петромъ Могилою, по образцу іезуитскихъ коллегій, въ латинскую коллегію, Кіево-Могилянская Коллегія явилась какъ бы новымъ средостѣніемъ между западно-европейскою наукою и малорусскимъ простымъ народомъ,—и въ этомъ дѣйствительно заключается немалая вина старой Кіево-Могилянской Коллегіи, переименованной впоследствии въ Академію. Но эта вина больше всего падаетъ на тогдашнія политическія и социально-общественныя отношенія, выдвигавшія впередъ одни классы народонаселенія насчетъ другихъ. Съ перемѣною же этихъ отношеній Кіевская наука и литература спускались иногда со своей недостигаемой отвлеченности на землю и служили, по мѣрѣ своихъ силъ, политическимъ, общественнымъ и національнымъ интересамъ страны. Такое служеніе кіевской науки и литературы жизненнымъ интересамъ страны эпизодически встрѣчается на всемъ протяженіи избраннаго нами для изслѣдованія періода; но степень его интенсивности даетъ особую окраску и цѣлымъ эпохамъ въ жизни Кіевской Академіи. Періодъ жизни Кіевской Академіи со времени преобразованія Петромъ Могилою Кіево-Братской школы въ латинскую Коллегію и до начала XVIII вѣка обыкновенно считается іезуитско-схоластическимъ, сухимъ и мертвеннымъ періодомъ, тогда какъ съ начала XVIII вѣка, по закрѣпленіи Кіева за Россією, проникають въ Кіевскую Академію идеи западно-европейскаго возрожденія классицизма и гуманизма и даютъ особое, болѣе живое направленіе Кіевской наукѣ и литературѣ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы іезуитско-схоластическая наука была совершенно мертвеною и неприманимою къ жизни. Это была наука формальная, которая давала Кіевскимъ ученымъ формальныя средства защищать православленную вѣру и народность и бороться съ врагами ичъ же оружіемъ, но въ тоже время гарантировала имъ непркосновенность внутреннего содержанія русской жизни отъ

чуждыхъ, враждебныхъ вліяній. Эта формальная наука, подобно математикѣ, была не только чисто отвлеченною, но и прикладною по отношенію къ тѣмъ знаніямъ и дисциплинамъ, которыхъ не имѣли южноруссы. Извѣстно, что польскій король Владиславъ IV привилеемъ своимъ отъ 18 марта 1635 года разрѣшилъ преподавать въ Кіево-Могилянской Коллегіи науки только по діалектику, безъ богословскихъ наукъ ¹⁾. Но этотъ недостатокъ Кіевскіе ученые старались восполнить внѣшкольными учеными трудами своими, и притомъ на мѣстномъ книжномъ славяно-русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, самъ Петръ Могила издаетъ, въ замѣнъ богословія, для школьнаго употребленія, „Православное исповѣданіе вѣры“ ²⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка составленъ былъ въ Кіевской Академіи, на основаніи католическаго богослова Беллармина, краткій школьный катихизисъ на латинскомъ языкѣ, вскорѣ переведенный и на мѣстный славянорусскій книжный языкъ ³⁾. Онъ имѣлъ широкое распространеніе какъ въ самой Кіевской Академіи, въ качествѣ конгрегаційныхъ катихизисовъ ⁴⁾, такъ и внѣ академическихъ стѣнъ: съ одной стороны, онъ проникалъ въ сельскія дьяковскія школы даже въ нынѣшнюю Галицію ⁵⁾, а съ другой стороны, въ первой половинѣ XVIII

¹⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. I, Москва, 1892 г., № 51, стр. 94, л. 80.

²⁾ См. о семъ выше.

³⁾ „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1895 г., прилож. VI, стр. 147—171; см. „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, Н. И. Петрова, серія 2, т. III, Кіевъ, 1906 г., стр. 245.

⁴⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, Н. И. Петрова, серія 2, т. I, ч. 1, стр. 52—59.

⁵⁾ См. „Банкетъ духовный“ въ „Кіевской Старинѣ“, за апрѣль, 1892 г.

вѣка служить въ Россіи пособіемъ для епархіальныхъ экзаминаторовъ и миссіонеровъ ¹⁾. Въ 1660 году Іоанникій Галятовскій издать при своемъ „Ключѣ разумѣнія“ науку сочинять проповѣди, а въ 1669 году Иннокентій Гизель напечатать казуистическое богословіе, соответствующее нынѣшнему пастырскому, подъ заглавіемъ „Миръ челоуѣка съ Богомъ“ ²⁾. Последнее сочиненіе имѣло непосредственное отношеніе къ церковно-приходской жизни южноруссовъ и служило нормою для ея упорядоченія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя рукописныя замѣтки на одномъ дефектномъ экземплярѣ этой книги о недостаткѣ въ религіозной жизни простаго народа въ Южной Россіи ³⁾. Въ послѣдствіи времени, въ концѣ XVII вѣка, когда введено было въ Кіевской Академіи и преподаваніе богословія; то первая дошедшая до насъ система богословія Стефана Яворскаго ⁴⁾ примѣнена была самимъ авторомъ и къ современнымъ нуждамъ православной церкви въ его книгѣ „Камень вѣры“, впервые напечатанной въ 1728 году ⁵⁾. Выходя изъ школьныхъ стѣнъ и спускаясь въ низменныя сферы мало-русскаго населенія, кіевская наука нерѣдко пыталась принаравливать къ пониманію простолюдиновъ и говорить ихъ

¹⁾ См. Катихизисъ Арс. Мацѣвича, 1738 г., въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 3, стр. 297 и сл.

²⁾ „Обзоръ русскои дух. литературы“, Филарета, 3 изд. С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 203.

³⁾ „Кіевская Старина“, январь, 1892 г.

⁴⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Н. Петрова, вып. I, Москва, 1892 г., №№ 186 и 187, стр. 258—260.

⁵⁾ „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, стр. 271. О богословскомъ курсѣ С. Яворскаго см. „Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Дух. Академіи за 1897/8 учебный годъ“, Кіевъ, 1899 г., стр. 247 и слѣд.

языкомъ. Такъ, напримѣръ, въ 1670 году Рѣшетниковскимъ священникомъ Симеономъ Тимофѣевичемъ составлена была „Наука Христіанская зъ евангеля.. барзо простою мовою и діалектомъ, ижъ и напростѣйшему челоуѣкови snadно понятая“¹⁾. Впослѣдствіи мы увидимъ, что кіевскимъ школьникамъ приписывается участіе даже въ созданіи малорусскихъ историческихъ народныхъ думъ.

Но съ начала XVIII вѣка уже въ стѣнахъ самой Кіевской Академіи повѣяло новымъ духомъ. Теперь, подъ владычествомъ Россіи, не могли оставаться обязательными для кіевскихъ ученыхъ прежніе польско-іезуитскіе образцы и открылась возможность учиться непосредственно у западной Европы. Во главѣ этого направленія стоитъ извѣстный Теофанъ Прокоповичъ,—имѣвшій громадное вліяніе на послѣдующую русскую науку и литературу. Онъ былъ въ Кіевской Академіи послѣдовательно профессоромъ лѣтики, риторики, философіи и богословія, заявилъ себя въ этихъ областяхъ ярымъ врагомъ господствовавшаго дотошъ въ Кіевской Академіи польско-католическаго и въ частности іезуитскаго схоластическаго образованія и пытался обосновать преподававшіеся имъ науки на другихъ, совершенно новыхъ началахъ. Въ такъ называемыхъ гуманныхъ наукахъ, т. е. въ лѣтикѣ, риторикѣ и философіи, онъ является первымъ и лучшимъ представителемъ эпохи возрожденія наукъ или классицизма, съ которымъ онъ хорошо ознакомился во время заграничнаго своего образованія, особенно въ Италіи, и постоянно указываетъ въ своихъ учебникахъ и чтеніяхъ или образцы древнеклассической, преимущественно римской литературы, или же лучшихъ представителей эпохи возрожденія и гуманизма на западѣ Европы, напр.

¹⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“. Н. И. Петрова, выд. 3, Москва, 1904 г., № 180, стр. 57—8.

Еразма Роттердамскаго и др. Этотъ же принципъ возрожденія классицизма Ѡ. Прокоповичъ примѣнилъ и къ богословію, руководствуясь самъ и рекомендуя другимъ руководствоваться въ богословіи священнымъ писаніемъ и древними, классическими въ своемъ родѣ, твореніями отцовъ и учителей православной церкви Григорія Назіанзіана, Августина, Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго и др., жившихъ до раздѣленія церквей, и дѣяніями вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Продолжателемъ Ѡ. Прокоповича по очищенію философіи отъ схоластическаго „смѣты“ былъ извѣстный украинскій философъ Гр. Сав. Сковорода, хотя его философскія сочиненія и имѣютъ странную виѣшность. Почитателями же и послѣдователями Ѡ. Прокоповича въ области богословія были Георгій Конисскій, Самуиль Мишанскій и Ириней Фальковский.

Правда, языкомъ школы и науки продолжалъ оставаться латинскій языкъ; но русскими представителями возрожденія классицизма немало было сдѣлано и для усовершенствованія русскаго литературнаго языка. Самъ латинскій языкъ, болѣе или менѣе очищенный представителями возрожденія классицизма отъ средневѣковыхъ варваризмовъ, стать теперь нормою для очищенія и возвышенія и русскаго литературнаго языка. „Подъ латинскою рѣчью,—говоритъ Ѡ. Прокоповичъ въ своей риторикѣ,—не разумѣй того, будто краснорѣчіе ограничивается только предѣлами латинскаго языка: какой бы языкъ ни употреблялъ ораторъ, онъ долженъ говорить такъ, чтобы слѣдовать чистой, употребительной и отечественной рѣчи этого языка. Ибо какъ Цицеронъ во второй книгѣ объ ораторѣ превосходнымъ образомъ рѣчи называетъ латинскій, такъ Аристотель въ первой книгѣ риторики, въ главѣ пятой, называетъ эллинскій или рѣчь греческую“. Замѣчая далѣе, что въ каждомъ языкѣ должно слѣдить за смысломъ „отдѣльныхъ словъ, ихъ конструкцію, свойствами языка или отечественнымъ

употребленіемъ рѣчи и правильнымъ произношеніемъ“, Ѳ. Прокоповичъ прибавляетъ: „что я говорю о латинскомъ, то разумѣй и о всякомъ другомъ языкѣ“¹⁾. Примѣнительно къ этому, и въ Кіевскихъ латинскихъ піитикахъ XVIII вѣка стали появляться отдѣлы не только о латинскомъ и польскомъ, но и о русскомъ стихѣ, составленіе котораго должно было подчиняться правиламъ латино-польскаго стиха. Піитика 1736 говоритъ о польско-русскомъ стихѣ уже не мимоходомъ, какъ это было прежде, а въ особой главѣ, и даже отдаетъ этому стиху предпочтеніе передъ латино-польскимъ. „Чтобы намъ, какъ славянамъ, не унижить отечественнаго языка, — говоритъ эта піитика, — первоначально мы говорили объ отечественномъ употребленіи, т. е. о стихѣ славянскомъ совокупно съ польскимъ“²⁾. Въ школьные сборники эрудцій или изрѣченій знаменитыхъ мужей древности стали вторгаться теперь и русскія народныя пословицы. Въ одномъ такомъ сборникѣ 1738—1743 г.г., писанномъ рукою ученика Харьковскаго коллегіума Іоанна Ушивскаго, мы нашли алфавитный списокъ пословицъ и остроумныхъ изреченій, выбранныхъ не только изъ свѣтскихъ и духовныхъ книгъ, но и изъ народныхъ пословицъ, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ, хотя иногда и обдѣланныхъ въ книжную литературную форму. Таковы, напримѣръ, пословицы: „баба з воза, колесамъ легше“; „безъ денегъ къ торгу, безъ соли до дому“; „здався циганъ на свои дѣти“, или—„циганъ своими дѣтми свѣдчится“; „осмакъ копы стереже“; „первія коти за плетень“; „первѣйшій атаманъ, неже десятникъ“;

¹⁾ См. мою статью о Г. С. Сковородѣ въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, декабрь, 1902 г., стр. 603 и слѣд.

²⁾ „О словесныхъ наукахъ въ Кіевской Академіи“..., Н. И. Петрова, тамъ же. іюль, 1866 г., стр. 325—7.

„шануй гори и мосты, чтобъ были цѣліе кости“; „якій панъ, такий его крамъ“, и проч.¹⁾.

Это очищеніе русскаго литературнаго языка по нормѣ латинскаго произвело на югѣ Россіи и въ самомъ русскомъ языкѣ раздѣленіе на самого себя, выдѣливъ изъ него то, что впоследствии на сѣверѣ Россіи называли высокимъ и низкимъ стилемъ или слогомъ. Высокій стиль представлялъ изъ себя развитіе и усовершенствованіе книжнаго славяно-южнорусскаго языка и приближеніе его къ общерусскому литературному языку, какъ это можно видѣть на примѣрѣ самого Ѳ. Прокоповича, котораго, вмѣстѣ съ Ан. Кантемиромъ, ставятъ иногда во главѣ новаго періода общерусской литературы. Къ низшему же слогу относилась простонародная малорусская рѣчь, которая, однако же, не изгонялась вовсе изъ области литературы, а получила въ ней свое особое специальное назначеніе. По словамъ Георгія Конисскаго „комедія должна писаться слогомъ простымъ, плебейскимъ и мужицкимъ, каковыя и лица имѣть. Но трагедія, поелику содержитъ въ себѣ великіе и высокіе предметы и лица, нуждается въ важномъ и высокомъ слогѣ и должна составлятьсѣ искуснымъ и способнымъ авторомъ. Трагедія должна быть полна потрясеній, важныхъ мыслей, звучныхъ словъ и почти царственнаго перифраза“²⁾.—Кромѣ комедій, низкій простонародный слогъ имѣлъ мѣсто въ вертенихъ представленійхъ, происшедшихъ изъ Кіевской школьной драмы, въ драматизированныхъ поздравительныхъ виршахъ на Рождество и Насху, въ подражаніяхъ народнымъ пѣснямъ и т. п.^{*)}

Н. Петровъ.

1) „Очерги изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“, Н. Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 4 и 5.

2) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, ноябрь, 1866 г., стр. 353.

*) Продолженіе слѣдуетъ.